

Валерий ЧЕРЕПИЦА

ГРОДНО МНОГИЕ ГОДЫ БЫЛ РОДНЫМ ГОРОДОМ ДЛЯ ЮРИЯ ОЛЕШИ

Великий Пушкин никогда не был на Гродненщине, но могилка его пятимесячного внука на старом православном кладбище в Новогрудке, сделала для нас жизнь и творчество поэта значительно ближе и роднее. Об этой могилке я узнал еще в начале 1990-х годов от моего школьного учителя физкультуры Павла Андреевича Тишука – человека замечательного и интересного во всех отношениях. Его рассказ о живых гвоздиках на заснеженном холмике внука поэта, который он предварил вопросом, заданным мне с нескрываемым удивлением: как мол ты – «историк, пишущий человек, живешь и ничего не знаешь об этом», побудил меня к тому, чтобы не только побольше разузнать об этом факте, но и заняться исследованием всего того, что связано с темой «Пушкин и Гродненщина».

Не могу не вспомнить с благодарностью и о сюжетах, которые были подарены мне незадолго перед кончиной доцентом-филологом нашего университета Екатериной Васильевной Осокиной. Принимая от меня в дар новую мою книгу о связях деятелей русской культуры с Гродненщиной, эта пожилая и тяжело больная женщина, преисполненная благодарности за внимание к ней и проблемам, некогда увлекавших ее, тихим и слегка дрожащим голосом она рассказала мне о том, что во время работы в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), ей попадались письма к А. С. Серафимовичу от крестьян села Белавичи Гродненской губернии с просьбой прислать им свои книги для прочтения среди народа. Тогда же ей удалось выявить некоторые материалы о побывавшем в Гродно с группой футуристов В. В. Маяковского. Говоря об этом, Екатерина Васильевна с некоторой горечью заметила: «Один столичный ферт урвал у меня эти сведения и сумел их «раскрутить» их в 50-60-е годы». «Помнится также, - говорила она, - что в фонде Владимира Короленко в этом же архиве мне попала небольшая рукопись писателя о какой-то детективной истории, происшедшей в Гродно в конце XIX-начале XX век. Речь в ней шла о попытке некоего разорившегося купца сделать подкоп под здание местного банка...». Кое что из рассказанного Е. В. Осокиной мне удалось расширить и углубить, за исключением лишь сюжета о Серафимовиче, но и в данном случае не все безнадежно.

При всей важности устных преданий о писателях, имевших отношение к Гродненщине, следует признать, что приоритет в этой области несомненно принадлежит опубликованным

материалам, большая часть которых относится к мемуаристике - любимому мной жанру. Так благодаря книге воспоминаний В. Г. Лидина «Люди и встречи» (Москва, 1961) мне удалось узнать о некоторых гродненских аспектах жизни и творчества известного советского писателя Ю. К. Олеши (1899-1960). Вот отдельные строчки из этой книги, имеющие отношение к событиям осени 1939 года, когда в Западную Белоруссию вновь вернулась советская власть: «Любимым писателем Карла Антоновича Олеши (отца писателя. – В.Ч.) был Данилевский. В номере-квартирке при гостинице в Гродно, которой Карл Антонович заведовал, было всегда сумрачно от табачного дыма. Он курил папиросу за папиросой и почитывал в свободное время Данилевского. По внешности он был так схож с сыном, что всегда можно было представить себе, каким будет Юрий Олеши к старости.

Родители Олеши жили долгое время в Польше, в той ее части, которая была отторгнута от России после первой мировой войны. Мне привелось быть в Гродно, когда восстанавливалась историческая справедливость и исконные земли Западной Белоруссии возвращались ее законному владельцу. Родителей, в силу всех этих условий, Юрий Олеши не видел многие годы.

- Вот теперь у вас будет возможность повидать Юрочку, - сказал я старику. – Теперь он к вам непременно приедет.

Карл Антонович затянулся толстой, с указательный палец, папиросой, подождал, пока дым осел в его порыжевших от никотина усах, и сказал с сомнением:

- Едва ли. Вы не знаете нашего Юрочки. Так просто он не приедет. Не потому, что он плохой сын, - добавил он тут же, а потому, что это Юрочка. Он в гимназию ходил по определенным камешкам, и если сбивался, то возвращался назад. «У меня сегодня будет невезучий день, - говорил он. – «Я не хочу схватить двойку». Надо знать нашего Юрочку, - добавил старик философски.

Вернувшись в Москву, я рассказал Юрию Олеше, что встретился с его родителями в Гродно. Я выразил уверенность, что он к ним поедет.

- Не сейчас, - сказал Олеши. – Я поеду к ним, когда у меня будет слава и много денег, чтобы весь город говорил: к Олешам приехал сын.

- Но ведь этого может и не случиться, Юрочка, - сказал я ему осторожно.

- Вы думаете? – Он посмотрел на меня с сомнением. – Почему вы так думаете?

Он был действительно убежден, что только такой приезд может порадовать родителей...».

Вот и весь гродненский эпизод, тем не менее побуждающий к поискам имеющих в нем вопросов. Опубликовав этот фрагмент в 1997 году в одной из своих книжек, я выразил тогда надежду на то, что в этом деле у меня со временем появятся добровольные помощники из числа читателей. Собственно так и случилось, но, правда, спустя более десяти лет.

В 2011 году Татьяна Никитина откликнулась на мой призыв и опубликовала в газете «Аргументы и факты в Беларуси» (№13, с.39) интереснейшую статью под названием «Мать ждала писателя. Юрию Олеше снился Гродно». В ней автор не только рассказала о том, как родители писателя оказались в 1922 году в Гродно, но и назвала причину отказа сына поехать сюда вместе с ними (в это время он был влюблен в Симу Суок и думал только о ней, хотя впоследствии и женился на ее сестре Ольге).

Роясь в архивных материалах, автор статьи нашла, что отец писателя умер в августе 1944 года от ран, полученных при разрыве бомбы, а его мать Ольга Владиславовна вплоть до смерти автора знаменитых «Трех толстяков», проживала в Гродно в небольшом доме на улице Мицкевича 13 а, куда изредка приходили письма и посылки из Москвы от сына. Она конечно же его ждала, но он, полностью охваченный литературной работой, лишь обещал, что вот-вот

приедет: «Как только закончу эту работу – немедленно отправлюсь к вам, в ваше загадочное Гродно, которое не раз видел во сне, когда думал о вас». Несомненно важной находкой автора стало обнаружение ею переписки между матерью и сыном Оба бережно хранили письма друг к другу, начиная с 1924 года.

Когда же известного и любимого писателя в 1960 году не стало, в Гродно приехала его жена и забрала свекровь в Москву. Перебравшись в столицу, Ольга Владиславовна жила в писательском доме в Лавришевском переулке. Своим бывшим гродненским соседям (Можаровым, Колесникам и Ромашкан) пани Олеша написала о том, как трогательно относятся к ней новые московские соседи – Татьяна и Константин Паустовские. Маститый писатель и критик Виктор Шкловский (он, Юрий Олеша и поэт Эдуард Багрицкий были женаты на трех сестрах Суок) запомнил ее такой: «прекрасно говорившая по-русски, старая, культурная, иронически увлеченная жизнью, устойчивая к жизни полька».

Такой вывод Шкловский сделал после того, как она показала ему фамильный дворянский герб Олеша: олень с золотой короной, одетой на шею. При этом она пояснила, что странная фамилия Олеша значит не что иное, как олененок. Спустя два года О. В. Олеша умерла, похоронили ее на Новодевичьем кладбище, рядом с сыном.

Немало интересного о родословной семьи писателя Юрия Олеша и его творчестве нашел я и в воспоминаниях писателей Валентина Катаева и Эммануила Миндлина – его ближайших друзей. Валентин Катаев в своей книге «Алмазный мой венец» называл Юрия Олешу – ключиком и объяснял почему: «Ведь буква Ю – это в конце концов и есть нечто вроде ключика. С неистребимым одесско-черноморским акцентом Катаев говорил своим слушателям-читателям давно обкатанные слова о родословной своего лучшего друга: «Ключик родился вопреки укоренившемуся мнению не в Одессе, а в Елисаветграде, в семье польского - точнее литовского – дворянина, проигравшего в карты свое родовое имение и принужденного поступить чиновником на службу в акцизное ведомство. Вскоре семья ключика переехала в Одессу и поселилась в доме, как бы повисшем над спуском в порт, в темноватой квартире, выходившей окнами во двор, где постоянно выбивали ковры. Семья ключика состояла из отца, матери, бабушки и младшей сестры.

Отец, на которого сам ключик в пожилом возрасте стал похож как две капли воды, продолжал оставаться картежником, все вечера проводил в клубе за зеленым столом и возвращался домой лишь под утро, зачастую проигравшись в пух, о чем извещал короткий, извиняющийся звонок в дверь.

Мать ключика была, быть может, самым интересным лицом в своем католическом семействе. Она была, вероятно, некогда очень красивой высокомерной брюнеткой, как мне казалось, типа Марины Мнишек, но я помню ее уже пожилой, властной, с колдовскими жгучими глазами на сердитом, никогда не улыбающемся лице. Она была рождена для того, что быть хозяйкой замка, а стала женой акцизного чиновника. Она говорила с сильным польским акцентом, носила черное и ходила в костел в перчатках и с кожаным молитвенником, а дома читала польские романы, в которых, я заметил, латинская буква Л была перечеркнута кривой черточкой, что придавало печатному тексту нечто религиозное и очень подходило к католическому стилю всей семьи. Ключик ее боялся и однажды таинственно и совершенно серьезно сообщил мне, что его мать настоящая полесская ведьма и колдунья. Она была владычицей дома

Бабушка ключика была согбенная старушка, тоже всегда в черном и тоже ходила в костел мелкими-мелкими неторопливыми шажками, метя юбкой уличную пыль. Она тоже, несомненно, принадлежала к породе полесских колдуний, но только была добрая, дряхлая, отжившая, в металлических очках.

Сестру ключика (ее звали Ванда. – В.Ч.) я видел только однажды, и то она как раз в это время собиралась уходить и уже надевала свою касторовую гимназическую шляпу с зеленым бантом, и я успел с нею только поздороваться, ощутить теплое пожатие девичьей руки, - робкое, застенчивое, и заметил, что у нее широкое лицо и что она похожа на ключика, только милевиднее. Как это ни странно, но я сразу влюбился в нее, так как всегда имел обыкновение влюбляться в сестер своих товарищей, а тут еще ее польское имя, придававшее ей дополнительную прелесть. Мне кажется, мы были созданы друг для друга. Но почему-то я ее больше никогда не видел, и моя тайная влюбленность прошла как-то сама собой. Ей было шестнадцать, а я уже был молодой офицер, щеголявший своей раненой ногой и ходивший с костылем под мышкой. Вскоре началась эпидемия тифа, она и я одновременно заболели. Я выздоровел, она умерла. Ключик сказал мне, что в предсмертном бреду она часто произносила мое имя, даже звала меня к себе».

Подчеркивание автором воспоминаний польско-католического происхождения семьи своего друга в последнее время получило свое развитие в материалах на страницах Википедии. В них отмечается, что «Юрий Олеша родился 19 февраля 1899 года в Елисаветграде (сейчас Крапивницкий) в семье обедневших белорусских дворян. Род Олеси (первоначально православный) берет свое начало от боярина Олеси Петровича, получившего в 1508 году от князя Федора Ивановича Ярославича-Пинского село Бережное на Столинщине. Впоследствии род полонизировался и принял католичество». В этом же источнике называется и настоящее имя его матери: не Ольга Владиславовна, а Олимпия Владиславовна (1875-1963), правда без упоминания ее фамилии в девичестве.

С весьма теплыми одесскими интонациями давал Валентин Катаев характеристику и самому Юрию Олеше в их общую гимназическую пору жизни: «Ключик был человеком выдающимся. В гимназии он был первым учеником – круглым пятерочником и если бы гимназия не закрылась. Его имя можно было бы прочесть на мраморной доске, среди золотых медалистов, окончивших в разное время Ришельевскую гимназию, в том числе и великого русского художника Михаила Врубеля. Ключик всю жизнь горевал, что ему так и не посчастливилось сиять на мраморной доске золотом рядом с Врубелем.

Он совсем не был зубрилой. Науки давались ему легко и просто. Он был во всем гениален, даже в тригонометрии, а в латинском языке превзошел самого латиниста. Он был начитан, интеллигентен, умен. Единственным недостатком его был малый рост, что, как известно, влияет на характер и развивает честолюбие. Люди небольшого роста, чувствуя, как бы свою неполноценность, любят упоминать, что Наполеон тоже был маленького роста. Ключика утешало, что Пушкин был невысок ростом, о чем он довольно часто упоминал. Ключика также утешало, что Моцарт ростом и сложением напоминал ребенка.

При маленьком росте ключик был коренаст, крепок, с крупной красивой головой с шапкой кудрявых волос, причесанных а-ля Титус, по крайней мере в юности. Какой-то пошляк в своих воспоминаниях, желая, видимо, показать свою образованность, сравнил его с Бетховеном. Сравнить ключика с Бетховеном – это все равно, что сказать, что соль похожа на соль. В своем сероватом форменном костюме Ришельевской гимназии, немного мешковатый, ключик был похож на слоненка: такой же широкий лоб, такие же глубоко сидящие, почти детские глаза, ну а что касается хобота, то его не было. Впрочем, это не очень бросалось в глаза и не портило впечатления».

Окончив гимназию, Олеша в 1917 году поступил в Одесский университет, два года изучал юриспруденцию. Здесь он вместе с молодыми литераторами Валентином Катаевым, Эдуардом Багрицким и Ильей Ильфом образовал группу «Коллектив поэтов». По мнению Валентина Катаева, удивительно оригинальный талант Юрия Олеси формировался под влиянием целой

плеяды самых разных писателей, самых разных национальностей, эпох и жанров. Он считал, что как и подавляющее большинство поэтов Одессы, Олеша вырос из литературы западной (произведений Уолтера Патера, Эдгара По, Герберта Уэллса и других авторов). Однако последнее не мешало ему ловко сочинять стихи под Игоря Северянина, восхищаться песенками Александра Вертинского. Он постоянно находился под устойчивым влиянием Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, как бы исключая друг друга, но в то же время так прочно слившихся в его творчестве. В какой-то степени влиял на Ю. Олешу и польский поэт-декадент Станислав Пшибышевский.

Отмечал Катаев и другие истоки литературного таланта Олеша: «Однажды ключик сказал мне, что не знает более сильного двигателя творчества, чем зависть. Я бы согласился с этим, если бы не считал, что есть еще более могучая сила: любовь. Но не просто любовь, а любовь не разделенная, измена или просто любовь неудачная, в особенности любовь ранняя, которая оставляет рубец в сердце на всю жизнь. Будучи свидетелем такого рода драма Олеша, он писал об этом так: «Ключик был скрытен и самолюбив; он ничем не выдал своего отчаяния. Идеалом женщины для него была Настасья Филипповна из «Идиота» Достоевского с ее странной, неустроенной судьбой, в жизни он не нашел своего литературного идеала».

В годы Гражданской войны Олеша оставался в Одессе, в 1921 году он в поисках работы перебрался вместе с Катаевым в Харьков. Работал журналистом и печатал стихи в газетах. О первой любви Юрия Олеша у Татьяны Никитиной имеется несколько строчек: Известно, что в 1922 году родители Олеша эмигрировали в Польшу из Одессы, где прошло детство и юность писателя. А Юрий, в то время начинающий поэт и их единственный сын, сделал свой судьбоносный выбор: наотрез отказавшись ехать с родителями, устремился в Москву вслед за девушкой, без которой не представлял своей жизни. Так, по словам Олеша окончилось его прошлое. А фамилия возлюбленной Сима Суок стала именем главной героини «Трех толстяков». После того, как Сима ему изменила, Юрий женился на ее сестре Ольге».

Валентин Катаев несколько по-иному описал случившееся: «Семья ключика собиралась уезжать в Польшу, провозглашенную независимым государством. Поляки возвращались на родину. И вдруг оказалось, что ключик решительно отказывается ехать с родителями. Несмотря на то, что он всегда даже несколько преувеличенно гордился своим шляхетством, он не захотел поменять революционную Россию на панскую Польшу. В упрямстве ключика его семья обвинила девушку, с которой ключик не хотел расстаться. Мать ключика ее возненавидела и потребовала разрыва. Ключик отказался. Властная полька, католичка, «полесская ведьма» прокляла сына, променявшего сына на советскую девушку, с которой ключик не был даже обвенчан или, в крайнем случае, зарегистрирован. Произошла драматическая сцена между матерью и сыном, который до этого случая был всегда почтительным и послушным. Но вдруг взбунтовался. В нем заговорила материнская кровь. Нашла коса на камень».

В итоге родители уехали в Гродно, а писатель остался в Советской России. Вскоре его Сима из меркантильных соображений вышла замуж за некоего солидного чиновника из губпродкома, затем сменила его на поэта-романтика Эдуарда Багрицкого. Воспоминания Валентина Катаева о своем лучшем друге насыщены массой интереснейших бытовых зарисовок, удивительно точно раскрывающих характер писателя, его напор и чудачества, чувство собственного достоинства и необычную ранимость души, несомненно отразившихся в его творчестве.

В Москве Олеша писал статьи и фельетоны в отраслевой газете железнодорожников «Гудок», подписывая их псевдонимом «Зубило». В 1924 году он написал свое первое большое прозаическое произведение – роман-сказку «Три толстяка», который был опубликован лишь четыре года спустя. Все это произведение проникнуто романтическим революционным духом.

Это сказка про революцию, про то, как весело и мужественно борются против господства трех жадных и ненасытных толстяков-властителей бедные и благородные люди и о том, как весь народ поработенной страны становится свободным. В 1927 году в журнале «Красная новь» был опубликован роман «зависть», одно из лучших произведений советской литературы о месте интеллигенции в послереволюционной России. В 1930-е годы писателю стала очевидной не востребованность в новом советском государстве его героев-мечтателей. В это время по заказу МХАТа он работал над пьесой «Список благодеев». Поставленный Мейерхольдом спектакль три сезона давал полные сборы, после чего по непонятным причинам был снят.

Тонкая и прочувствованная характеристика Юрия Олеши запечатлена и в книге воспоминаний писателя Э.Л. Миндлина «Необыкновенные собеседники». Она особенно ценна тем, что наиболее полно затрагивает последний период жизни замечательного литератора: «В памяти остались какие-то ночные прогулки с ним по летней Москве, когда он нежно и образно рассказывал о своей Одессе. Временами мы встречались с ним очень часто. Потом наступали длительные, иногда даже многолетние перерывы. Олеша переставал печататься, о его образе жизни, нужде доходили печальные вести.

Как-то перед войной – неожиданный звонок у дверей. Олеша входит ко мне в распахнутом плаще, возбужденный, не снимая плаща, плюхается в кресло и начинает рассказывать, как ему повезло: пригласили поработать радио диктором во время парада на Красной площади. Олеша с гордостью назвал сумму, какую получит за выступление. Он был взволнован размерами обещанного ему гонорара. Видно очень, очень давно он не зарабатывал приличных денег.

Я осторожно спросил, пишет ли он сейчас. Какие у него литературные планы? Отчего ничего не печатает? Олеша много говорил о своем новом романе, пьесе, - половина ее, по его словам, уже лежала у него в кармане. Но ни новый роман, ни новая пьеса Олеши не появились. Продолжалась затянувшаяся очень тяжелая полоса жизни блестящего человека, умницы, художника милостью Божьей!».

В годы войны Юрий Олеша жил в эвакуации в Ашхабаде, затем вернулся в Москву. Обстановка в стране и в культуре воздействовала тогда на писателя угнетающе. «Все опровергнуто, и все стало несерьезно после того, как ценой нашей молодости, жизни – установлена единственная истина: революция», - записал он в своем дневнике. В это время многие друзья и знакомые подвергались репрессиям, главные произведения самого писателя не переиздавались.

После возвращения из эвакуации Олеша, потерявший право на московскую жилплощадь, жил то у одного, то у другого писателя. Его часто можно было видеть в Доме литераторов, но не выступающим в зале перед читателями, а внизу в ресторане, где он просиживал за стаканом водки. Денег у него не было, удачливые советские литераторы почитали за честь угостить истинного писателя, прекрасно осознавая его огромный талант. Однажды, узнав, что существуют разные категории похорон советских писателей, он поинтересовался, по какой категории похоронят его. Ему объяснили, что похоронили бы его по самой высшей, самой дорогой категории. Олеша ответил: нельзя ли похоронить его по самой низкой категории, а разницу вернуть сейчас? Пристрастие к спиртному подрывало крепкое здоровье писателя, и он как мог боролся с этим недугом, который судя по всему мешал ему приехать к матери в Гродно в благоприятном для нее и соседей виде. Психологическое состояние писателя в эту пору хорошо передал его приятель писатель Эммануил Миндлин:

«В последний раз – незадолго до смерти – мы встретились с ним на Тверском бульваре. Дела у него поправились. В театре Вахтангова шел инсценированный им «Идиот» Олеша был

брит, благообразен, шагал навстречу мне, держа руки в карманах распахнутого пальто. Еще издали, нахмутив брови, он спросил:

- Ну что?

- Как видите, все еще жив.

- Не уверяйте меня, что вы не боитесь. И что вам нравится старость, это вы тоже врете.

Я уже давно говорил ему, что старость, по-моему, лучшее время жизни. На этот раз я сказал, что в книге, которая в скором времени выйдет, в романе «Город на вершине холма», одну главу я назвал «Искусство быть старым».

- Пришлите книгу. Я должен ее прочесть. – Потом вытащил из кармана рукопись, свернутую трубкой. – Я тоже пишу сейчас роман философский. В фрагментах. Роман в фрагментах. – Помолчал, подумал и как-то лукаво молвил:

- У меня тоже...будет немного о старости».

И далее Миндлин пишет: «Это была моя последняя встреча с Олешей. В следующий раз я увидел его в гробу с бескровно сжатыми губами философа и поэта. Он и в гробу оставался самим собой». Гроб стоял в конференц-запе в старом здании правления Союза писателей. Олеша лежал с сомкнутыми губами мыслителя. Когда отстояв в почетном карауле у гроба, наша четверка выходила из зала, (навстречу на смену нам шла новая – и во главе ее с траурной черно-красной повязкой на рукаве Паустовский. Он шел с опущенной головой, ссутулившись еще больше обычного, и не заметил меня.

Я сдал распорядителю траурную повязку и вернулся в зал. В толпе увидел Татьяну Алексеевну Паустовскую. Когда очередной караул сменился, а Константин Георгиевич где-то запропастился, Татьяна Алексеевна забеспокоилась:

- Ради Бога, найдите Костю и отберите у него траурную повязку. Он наверняка сунул ее в карман. Вечная история. Забудет вернуть, а потом дома я выгребая из его ящика траурные повязки. Вернется с панихиды и сунет повязку в ящик...

Паустовский был найден, и траурная повязка возвращена. Он действительно машинально сунул ее в карман – так бы и притащил домой...

Мы сидели у стены в зале, где стоял гроб, и даже не пытались заговорить друг с другом. Я никогда не видел его в такой глубокой скорби».

Скорбели в связи с кончиной удивительно талантливого литератора и в Гродно. Сегодня имя Юрия Карловича Олеша носит одна из улиц нашего города.

